

П. П. Мироносицкий

О языке богослужения

(Речь на акте Богословского института 11/24 мая 1921 года)

От публикатора

История нормированного языка это, с одной стороны, история нормы, а с другой — история общественных дискуссий об этом языке. Для истории церковнославянского языка нового времени огромный интерес представляют периодически возникающие споры о соотношении в богослужественной практике церковнославянского и русского языка. Всплеск интереса к этой теме наблюдается в 1905 г., когда после указа Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» Русская православная церковь, ранее занимавшая господствующее положение, оказывается в ситуации конкурентной борьбы. В результате начинается активное обсуждение реформ в различных областях церковной жизни. Одной из тем этих дискуссий становится вопрос о языке богослужения.

Пик дискуссий приходится на 1905—1907 гг. Исследовавшему материалы дискуссии свящ. Н. Балашову известно 92 публикации, посвященных вопросу о языке богослужения [Балашов 1998: 259; о лингвистических аспектах этой дискуссии см. Плетнева 1998]. После 1917 г. широкая дискуссия прекращается. Это связано с тем, что текущие политические события отодвигают вопрос о языке на второй план, а также с прекращением выхода практически всех церковных изданий. Эти проблемы возникают лишь на заседаниях различных религиозных, философских или научных обществ. Тексты подобных выступлений в печать не попадали и, как правило, оказывались утраченными. Тем более интересным является речь П. П. Мироносицкого «О языке богослужения», произнесенная в мае 1921 года на акте Петроградского Богословского института.

Для исследователя истории богослужебного языка личность П. П. Мироносицкого* представляет исключительный интерес. Учитель, составитель учебных пособий по русскому и церковнославянскому языку, автор поэтических переводов богослужебных песнопений с греческого языка на русский, П. П. Мироносицкий активно интересовался вопросами языка и строя православного богослужения. Значительный интерес представляет печатная полемика между П. П. Мироносицким и товарищем обер-прокурора Синода Н. Ч. Зайончковским [биографическую справку см. ПЦР VII: 341], выпускавшим переводы богослужебных текстов под псевдонимом Н. Нахимов. Эта дискуссия демонстрирует два подхода к переводу церковнославянских богослужебных текстов на русский язык. Если Н. Ч. Зайончковский ставил перед собой задачу сделать текст максимально понятным для читателя, то П. П. Мироносицкий считал, что чрезвычайно важно при этом не утратить эстетических особенностей оригинала. Он резко критиковал переводы Н. Ч. Зайончковского за отказ от славянского синтаксиса, что приводило, по его мнению, к разрушению риторической структуры богослужебных текстов. Дискуссия П. П. Мироносицкого и Н. Ч. Зайончковского остается уникальным образцом дискуссии о принципах переводческой техники с церковнославянского на русский.

Значительный интерес представляют и собственные переводы П. П. Мироносицкого. В 1912–1914 гг журнал «Приходское чтение» публикует переведенные им кондаки Романа Сладкопевца. При этом кондак на Рождество Христово был переведен на русский язык нерифмованным ямбом [Мироносицкий 1912-1913], а кондак в неделю Вайй на церковнославянский язык с сохранением разбиения на строки [Мироносицкий 1914]. К текстам были приложены ноты. По всей

* Порфирий Петрович Мироносицкий (10. 01. 1867 – 1. 03. 1933) – выпускник Казанской духовной академии. С 1891 по 1896 г учительствовал в Пензенской губернии. В 1896 г перебирается в Петербург, где продолжает преподавательскую деятельность, сотрудничает в периодике. С 1913 г. является постоянным членом Училищного совета при Синоде. Редактор газеты «Приходской листок» (1914–1915 гг.) и других изданий, адресованных учителям. После революции работал в театральном отделе Наркомпроса. Вместе с ним здесь работали А. Ремизов и Вс. Мейерхольд. В 1920 г П. П. Мироносицкий был избран профессором Богословского института. В 1925 г он преподавал греческий и церковнославянский языки, а также церковное пение на Высших богословских курсах, а в 30-е годы русский язык в Ленинградском политехникуме путей сообщения. П. П. Мироносицкий автор значительного числа учебных пособий по русскому языку, церковному пению и церковнославянскому языку [Сорокин и др. 1997: 133-134].

видимости, автор не предполагал богослужебного употребления своих переводов, однако известный востоковед академик Б. А. Тураев в подготовленном им «Проекте руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов» полагал, что «иконы на Рождество Христово в новом переводе П. П. Мироносицкого могли бы читаться за всенощным бдением» [Кравецкий 1998: 306].

По данным свящ. Н. Балашова [Балашов, в печати], П. П. Мироносицкий принимал некоторое участие в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг, возглавляемой архиеп. Сергием (Страгородским) [о лингвистических принципах работы этой комиссии см.. Плетнева 1994].

Публикуемый ниже текст представляет интерес в нескольких отношениях. *Во-первых*, это выступление можно рассматривать как своеобразный итог предсоборных публикаций по вопросу о литургическом языке. *Во-вторых*, текст выступления показывает, что еще в 1921 г. вопрос о литургическом языке оставался актуальной проблемой церковной жизни** Уже через год, в связи с обновленческим расколом, содержательные дискуссии о языке богослужения станут невозможными. *В-третьих*, аргументация П. П. Мироносицкого является своеобразным развитием лингвистических дискуссий XVIII-XIX вв. Взгляд П. П. Мироносицкого на неразрывную связь церковнославянского и русского литературного языка является своеобразным развитием идей А. С. Шишкова. История повторяется. Если во времена споров шишковистов и карамзинистов связь русского и церковнославянского определяла природу литературного языка, то теперь она является характеристикой языка богослужения.

* * *

Настоящая публикация осуществлена по машинописной копии, сохранившейся в архиве Е. А. Карманова*** В 1990 г. фрагмент этой статьи был опубликован К. Логачевым [Мироносицкий 1990] по недатированному черновику**** Публикуемый нами список является полным и содержит окончательную версию текста, хотя имеет ряд дефектов, свойственных машинописным «самиздатовским» копиям. В оригинале

** Доклад был прочитан на официальном мероприятии созданного по благословению Высшей церковной власти учебного заведения [Сорокин и др. 1997: 124-125].

*** В настоящее время архив Е. А. Карманова находится в Российском фонде культуры.

**** Архив Санкт-Петербургской митрополии. К. Логачев ошибочно датирует ее 1917 годом [Логачев 1990: 11].

были пропущены все греческие слова, а церковнославянские цитаты даны в русской транскрипции, причем со значительным количеством ошибок. Поэтому при издании нам пришлось восстанавливать пропущенные греческие слова, а церковнославянские — переводить в нормативную орфографию. Желая познакомить читателя с авторским текстом и взглядами П. П. Мироносицкого на церковнославянский язык, мы публикуем его статью без сокращений и изменений.

Эта публикация посвящается памяти Евгения Алексеевича Карманова († 20.IX.1998 г.), который незадолго до кончины передал нам этот текст

* * *

На меня выпала в этот наш великий праздник задача остановить Ваше благосклонное внимание на вопросе о языке нашего православного русского богослужения. Я не вижу надобности объяснять пред Вами относительно выбора своей темы, ибо, я уверен, все в этом собрании — одни отчетливо видят, другие внутренне чувствуют, что на открывшемся перед нами пути церковного обновления наша мысль и наше дело не могут обойти вопроса о языке богослужения, который долго и терпеливо где-то в стороне ожидал своей очереди, а теперь стал перед нами во весь свой рост

Итак, чтобы нам идти далее, надо с ним считаться.

Всем нам ведомо, что и прежде вопрос этот был беспокойным. Теперь он стал *острым*. И когда я вижу пред собой острие его, я невольно отдаю себе отчет в том, как ответственно теперь всякое о нем суждение.

Иметь дело с вопросом, доведенным до обострения, это все равно, что по неосторожности схватить рукою раскаленный предмет. Схватив, вы уже не положите его спокойно на место, а бросите куда и как попало. *Exempla docent* — примеры учат, учат даже и в эпохи великих потрясений. И я думаю, нам надо спешить не к тому, чтобы как можно скорее разрешить наш вопрос, а к тому, чтобы надежнее убедить себя, что нельзя с ним медлить, нельзя доводить его до той степени нагрева, когда он станет жгучим.

Итак, позвольте мне осторожною рукою раскрыть страницы этого дела, которому не улежать на полке архива, которому суждено еще пережить злобу текущего дня.

I

Я начну с острия вопроса, с того, что по-гречески называется *ἀκμῆ*, а по-славянски переводится *жало*.

В наше время, богатое дерзновенными порывами и смелыми заданиями, слышится ясный и решительный клич: *церковное богослужение должно совершаться на русском языке*, церковнославянский язык умер; церковная жизнь требует живого языка, на него и надо перевести церковные службы: вот в чем, говорят, главное теперь условие обновления нашей Церкви.

Предъявляющие столь решительное требование в подтверждение его выставляют такой, по-видимому неотклонимый, аргумент: наши церковные песни и молитвы невразумительны, непонятны для массы верующих; церковнославянский язык для народа — чужой язык, нуждающийся в переводе и постоянном толковании.

Говорят в нашей Церкви ходом истории установилось «разделение дарований», подобное тому, которое подробно анализирует апостол Павел в главе 14-й своего Первого послания к Коринфянам. Слово Божие, псалмы, песни ветхозаветные и новозаветные, молитвы иерейские, а также бесчисленные и разнообразные тропари или изменяемые гимны поются и читаются у нас на языке церковнославянском и только в церковном поучении и оглашении применяется живой русский язык. В первом случае, обнимающем почти все словесное содержание нашего богослужения, мы имеем, говорят, пред собою явление, соответствующее дару языков апостольской Церкви, когда, по выражению апостола, «стоящий на месте простолодина не всегда ведал, где ему сказать “аминь” на слова глаголющего языками»¹. Второй же случай, имеющий весьма ограниченное применение, соответствует древнему дару пророчества, то есть учительства, — ясного и понятного назидания, увещания, обличения, утешения верующих. Известно, что апостол языков в своем рассуждении о дарах духовных становится на стороне дара пророчества, то есть учительства: *паче же да пророчествуете!*² — поучает он. «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает Церковь. Желая, чтобы вы <все> говорили языками, но лучше, чтобы вы пророчествовали. <.> В Церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим (*то есть сознательно для себя и понятно для других*), чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке»³.

Итак, основной тезис для воздыхающих о введении русского языка в богослужение тот что церковнославянский язык невразуми-

¹ Неточная цитата из 1 Кор. 14. 16.

² Неточная цитата из 1 Кор. 14. 5. В синодальном переводе: *по лучше, чтобы вы пророчествовали*; в славянском «*бóлий бо прѣрѣцествѣай*».

³ 1 Кор. 14. 2-3, 5, 19.

телен, что он — чужой. Тезис этот в течение минувшей сотни лет неоднократно по разным случаям вспыхивал там и тут в нашей духовной и даже светской литературе. Я не буду касаться последней, но приведу здесь мнение такого авторитетного писателя, как преосвященный Феофан Затворник.

Вот его слова, высказанные еще в 1896 г.⁴ с большою определенностью: «Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны, возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все <утешения, и все> устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть <из> сих песнопений — *совсем непонятны*. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод богослужебных книг *неотложно* необходим. Ныне-завтра надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде ... есть именно непонятность церковных песнопений»⁵.

Мы видим, таким образом, что жало нашего вопроса, заключающегося в требовании русского языка для богослужения, имеет позади себя прочную опору в виде давней жалобы на непонятность, невразумительность наших богослужебных песнопений.

Отвергать справедливость этого опорного положения значило бы идти против очевидности: церковные песнопения в большинстве своем, конечно, малопонятны для неподготовленного слушателя или читателя. Но нельзя согласиться с тою логикой, которая на этом положении строит преждевременные выводы, а именно:

- 1) церковные песнопения непонятны потому, что они изложены на чужом церковнославянском языке,
- 2) следовательно, церковнославянский язык должен быть заменен русским.

II

Необходимо сейчас же разобраться в содержании этих положений и, прежде всего, ответить на вопрос: действительно ли язык церковных служб есть чужой для нас язык? Действительно ли, выпевая

⁴ Феофан Затворник умер в 1884 г. П. П. Мироносицкий смешивает дату написания этого текста (она неизвестна) с датой публикации.

⁵ Феофан 1896: 462.

церковные гимны, мы уподобляемся глаголющим «иными странными языки», как то было в Коринфской Церкви?

Известно, что нынешний церковнославянский язык наших богослужебных книг произошел из древнеславянского языка путем ассимиляции, то есть внесения в него элементов живого русского языка. Учитывая то обстоятельство, что и древнеславянский язык свв. Кирилла и Мефодия по корням своим есть язык, близко родственный русскому, мы должны признать, что в современной своей богослужебной уже русифицированной рецензии этот язык не только не чужой, не иностранный язык для русского слуха, но, напротив, свой родной, и если бы каким-либо чудом русский крещеный человек встретился где-нибудь на чужбине с туземцем, не говорящим по-русски, но говорящим по-церковнославянски, он обрадовался бы ему как самому настоящему земляку

Почти все корни и их знаменования общи у церковнославянского языка с русским. В подтверждение этого сошлюсь на такой пример. В Псалтири книге, по общему мнению, наиболее трудной для понимания, найдется не более сотни слов, которые русский слух оценивает как чужие, незнакомые, нуждающиеся в переводе. Таковы, например, **ѣвѣе, ѣзъ, ѣще, брашно, вреніе, врозда, вѣи, вскъю, вѣа, говзовати, голоть, ѣгда** и тому подобные. В это число входят и такие явно иностранные слова, как **ѡнагръ, рамо, скіменъ, стактѣ** и др. Все эти слова встречаются в Псалтири в 1250 местах, причем наиболее чуждые слуху слова встречаются лишь по одному, по два раза, наиболее же близкие слова повторяются много раз (напр. **ѡко** 500 раз, **ѣже** 180 раз, **ѣще** 60 раз, **ѣзъ** — 46 раз)⁶ Принимая во внимание, что все вообще речения Псалтири, упомянутые в словаре П. Гильтебранта, применены в ней 23 416 раз⁷, мы видим, что непонятные слова составляют лишь около 5 % всего лексического материала Псалтири. В других книгах Св. Писания и в богослужебной поэзии этот процент, несомненно, еще и гораздо ниже, что могут подтвердить статистические подсчеты, если кому угодно ими заняться. Отсюда видно, что причина непонятности Псалмов и богослужебных песнопений кроется не в лексиконе церковно-богослужебного языка, а в чем-то другом, и что считать этот язык чужим и иностранным не приходится.

⁶ В словаре П. Гильтебранта отмечено на порядок больше употреблений этого слова [Гильтебрант 1898].

⁷ Это число указывает не количество слов в Псалтири, а количество карточек, то есть контекстов, использованных при составлении этого словаря.

Русскому народу посчастливилось <в отношении>⁸ религиозного языка. Приняв веру от греков, он принял язык этой веры от славян.

Прежде <него>⁹ родные его братья, вероятно болгары, выработали в процессе своего культурного развития язык для выражения религиозных представлений и идей. Но русский народ не рабски принял этот братский дар — он переработал его в горниле своего духа и, сделав его языком своей новорожденной литературы, привил к нему живую ветвь своего природного наречия, и выросло то чудное древо, которое мы называем русским языком. Здесь переплетены побеги старого и нового, своего и соседнего, древнеславянского и русского, ибо, с одной стороны, славянский язык в русских устах принял русский облик, с другой стороны, и русский язык в его живом народном употреблении со введением письменности и церковности обогатился элементами и влияниями церковнославянскими. «Нынешний язык русский, говорит Буслаев, представляет неразделимое сочетание элементов русского наречия с элементами церковнославянскими»¹⁰

Говорить теперь о русском языке, как о языке отдельном от церковнославянского, не приходится. Это одна и та же ткань, в которой есть основа и уток, есть лицо и изнанка, но нет двух разных вещей, которые можно бы было разнять или заменить одну другою. И совершенно правильно большой знаток русского языка В. И. Даль в свой толковый «Словарь *живого* великорусского языка» включил и церковнославянские речения.

Стоит прислушаться к языку народной поэзии, чтобы видеть, что в нем весьма значительным слоем залегли такие формы, которые ныне мы, стоя на почве современности, считаем в нем элементами церковнославянскими. Здесь, например, встречаются в изобилии краткие формы прилагательных и причастий: *злат, бел, горюч, красно*; звательные падежи: *мати, ратаю-ратаюти, чудный, отроце, батюшко*; форма вспомогательного глагола: *есмь, еси, есте, бысть (погребен есмь буду, гой еси, ах вы гой есте, славён си бысть без памяти и т. п.)*; местоименные формы: *ти, мене* и др. (*Божья ти помощь; чара ти шла; оставиши мене плакати*); церковнославянские формы неопределенного склонения: *повьдернути, повьтряхнути, крестьянствовати*; формы родительного падежа прилагательного: *церкви соборныя, дружины хороброя, честныя милостыни*); неполногласные формы: *град, глас,*

⁸ В источнике: *по отношению*.

⁹ В источнике *чем*.

¹⁰ Буслаев 1963: 35. Неточная цитата.

влас, древо, злато и т. д. и множество слов и речений, перешедших в народнопоэтическую речь из церкви, например, *риза, един, возглаголет, пастырь, притечет, Мати всепетая, пресладкий Сын, пропасть неисповедимая, яко гром, гряди, год* (в смысле время), *добре, zde, паче и наипаче, отжени* и много других.

Я здесь привел примеры народной поэтической речи. Но и наша прозаическая речь буквально пересыпана корнями и формами церковнославянскими, и это является у нас столь естественным явлением языка, что мы его не замечаем, так же как не замечаем разных принадлежностей собственного организма, пока он в нормальном состоянии.

Противники церковного языка способны возмущаться даже такими словами, как *млѣко, дрѣво* или *хлѣдъ, зрѣкъ*, но тут же сами без всякого смущения и возмущения произносят в своей живой речи слова: *млекопитающее, млечный путь, прохлада, прозрачный, древесина, древесный* и т. п.

Теперь многие, и священники даже, ополчились на слово *живѣтъ* и аккуратно заменяют его «жизнью», но «животное» все-таки не стесняются называть *животным*. И неужели они также бы ополчились на это слово, когда оно звучит в истинно-христианских крестьянских пословицах: «*В животе и смерти Бог волен*» или «*Родимся для смерти, умираем для живота*»? Народ наш, сидя при ногах Церкви-учительницы, чутко слушал ее глаголы и усвоил от нее залоги религиозной жизни и мысли, но вместе с тем он обогатил и свой язык соответствующими словесными элементами, и было бы довольно печальным и странным опытом вступать теперь на борьбу с этими якобы чужими элементами. *Еже <убо> Бог сочета, человек да не разлучает*¹¹, ибо разлучить не сумеет. Славянское слово в русском и русском вкупе со славянским — это единое словесное млеко, изготованное нам в пищу. Быть может, и сумел бы кто извлечь из него сливки старины, но тогда вместо тучного русского языка осталось бы нам на долю какое-то снятое молоко делового жаргона.

III

Теперь не редкость услышать и такую речь: церковнославянский язык есть язык мертвый, не подобает служить на нем живому Богу.

Это возражение побуждает меня привести здесь несколько строк из солидной, переведенной и на русский язык книги <профессора> Туринского Университета Джиованни Райнера «Педагогика в пяти книгах», принадлежащей, по мнению ее немецкого переводчика, к самым

¹¹ Мт. 19. 6.

выдающимся педагогическим работам Италии XIX в. и представляющей блестящую попытку дать педагогике строго научную форму и обработку. В главе об изучении языков вот что говорит этот автор-католик о языке латинском: «Латинский язык есть *язык живой* и для итальянцев, <как> и для католиков вообще; он есть та связь, которая соединяет сердца и умы в одной великой мысли о любви к Богу и о <Богочитании>»¹². Итальянская нация в этом отношении есть перворожденная из современных цивилизованных наций; она есть иерархическая нация, шествующая во главе народов, собранных вокруг знамени католицизма <знамени всех христианских наций — и вокруг того знамени, которое пред глазами человечества высоко держит глава католицизма, единственного из всех культов, называющихся христианскими>, который один обнаруживает истинную жизненную силу и дает признаки деятельной и могучей жизни»¹³.

По прочтении таких слов невольно воскликнешь: вот это дерзновение!

А мы? Мы называем мертвым тот язык Церкви, который воплотил для нас все христианские идеи и чувства: тот язык, от которого потекла животрепещущая река нашей литературы. Тот язык, благодаря которому, по замечанию Ломоносова, «народ российский по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и <в> селах»¹⁴ и благодаря которому поддерживается живая и действительная наша духовная связь со всеми славянскими народами, исповедующими одну с нами православную веру.

Говорят, церковнославянский язык должен считаться мертвым, потому что нет ни одного народа, который говорил бы на нем. Но разве молитва многомиллионного славянства не есть живое общение с Богом. Разве воздыхания и слезы, исторгаемые словами этого языка из человеческих душ, свидетельствуют о мертвости, а не жизни. Разве слова: «*Дѹшѣ моѣ, дѹшѣ моѣ, востани, что спшиши; конецъ приближѣтсѧ, и ѣмашѧ смѣтѣтсѧ: воспрани оубо*»¹⁵ уже не способны возбудить от сна и взволновать грешную душу? Разве песнопения Страстной седмицы и Светлой Пасхи уже утратили эмоциональную силу и <не> звучат для русского уха, как медь звенящая? Нет, он жив

¹² В источнике *богочтении*.

¹³ Райнер 1913: 481. Пропущенные П. П. Мироносицким фрагменты текста помещены в угловых скобках.

¹⁴ Ломоносов VII: 590.

¹⁵ Канон Андрея Критского, песнь 6, кондак.

и живителен язык Церкви, и он не только живых членов Церкви связует воедино, но и тех, которые уже умерли для здешних треволнений, роднит с нами узами непорванного доселе предания. Святые угодники земли русской оттого и близки нам несказанно, что высота их духовных подвигов сопряжена была с тем же церковным словом, которое и нас возвышает над земною перстию.

Определяя живость или мертвость языка, нам надо иметь в виду, что мы часто переоцениваем значение слова как такового. *Психология* говорит нам, что слово рождается от мысли, или — вернее сказать — *для мысли*. Мысль или идея, сделавшись отчетливою, неутолимо требует слова для своего воплощения; слово вступает в жизнь, благодаря мысли; без нее оно мертво; оно — пустое звучание. Слово — тело, идея — душа. И слово живо лишь до тех пор, пока не порвана связь его с идеей. Потеряв свою опору в идее, слово умирает или ищет и создает себе новую, искусственную опору, чтобы жить, и тогда оно становится условным.

Говоря по-русски, мы употребляем множество таких условных, оторвавшихся от идеи и в сущности новых слов. Употребляя, например, слово *близорук*, разве мы отдаем себе отчет в том, что это «*близ-зорук*», как есть слово «*дально-зорук*» и что здесь совсем ни при чем *руки*?

Употребляя поговорку «*ни кола, ни двора*», разве мы думаем о том, что под колом здесь надо разуместь не вбитое в землю дреколье, а усадебный земельный надел. Разорить «*до тла*», попасть «*в просак*», пускать «*турусы на колесах*», «*бить баклуши*» и т. п. — разве все эти речения не мертвы для нас в подлинном и исконном своем значении? И, однако, мы их употребляем в самой оживленной речи, и никому не приходит в голову упрекать нас, что мы пользуемся непонятными или мертвыми словами?

Непонятность слов, вроде вышеупомянутых, так же как и тучи слов, употребляемых нами на правах метафор и синекдох, корректируется и восполняется в живом языке связью или контекстом речи, щедрою помощью жестов и мимики и всякого рода эмоциональным сопровождением. Иначе и родная речь была бы нам непонятна, как неразвитому человеку непонятна культурная книга или беседа.

И чужую книгу, и чужую речь мы читаем и постигаем со свечью своего сознания, в меру своего развития или образования. Слова сами по себе все и немые, и мертвы, пока мы не озарим и не оживим их своею мыслью или чувством. Если бы это не было так, современная педагогика не ставила бы своею главною задачею борьбу с вербализмом, то есть с употреблением мертвых слов, отрешенных от мысли. А если это так, то главная забота и главное беспокойство

всех радеющих об удобопонятности богослужебной словесности должны быть сосредоточены не столько на том, какими словами будет звучать эта словесность, старыми или новыми, так называемыми славянскими или самыми свежими русскими, сколько на том, чтобы просвещать воспринимающее сознание верующих. Церковные слова будут оживать в слухе и разуме молящихся по мере того, как будет возвышаться религиозное просвещение народных масс, на что и должно быть ныне направлено все внимание радетелей народного спасения. Иначе над нами все еще будет звучать обличительное слово: русский народ крещен, но еще не оглашен.

А затем для того же оживления церковных глаголов необходимо, чтобы весь народ принимал живое участие в богослужении своим пением, ибо слово, исходящее из уст, живет и собственнее человеку, чем входящее лишь в слух его.

Вообще следует усвоить, что голые слова, как бы они ни звучали, ничего не приносят в храмину человеческого духа, если навстречу им не выходит гостеприимное сознание. На конях слова далеко не уедешь. Самые обыкновенные и знакомые слуху слова могут быть сопряжены с непостигаемым смыслом и, наоборот, чужие и необычайные слова блистать всеми искрами мысли и чувства. Что проще и ближе слов *отец*, и *сын*, и *рождение*, но когда этими словами знаменована тайна Пресвятой Троицы, наша мысль погружается в бездну непостижимости. А чужое и совершенно непонятное, даже неперебиваемое на наш язык слово *Пасха* заставляет наше существо трепетать всеми духовными трепетаниями.

Слова рождаются для мысли. Если мы утратили смысл старого слова, оно стало нам непонятно и чуждо. Если мы еще не нашли смысла нового слова, оно для нас такое же чужое и, может быть, еще более неприятно, чем старое. Меня спрашивают, что такое *телѣсъ ѡзловлѣнїе*, что такое *вѣць грѣхѹ* или *трѡбсть ѡзречѣнїа*? Устарелые славянские выражения надо перевести их на русский язык! Но вот я беру «вчерашнюю» русскую книгу и в свою очередь спрашиваю: что значит *декабрь*, *хлебиться*, *разнебеситься*, *свинить*, *обезночить*. Что такое *засвеженный мир*? Что такое *поэтино сердце* или *вещины губы*? Чужая это или наша речь? Переводить ее или подождать что будет дальше.

Но не подождать ли тогда и с переводом церковнославянской поэзии на современный язык, о котором у новейшего критика я читаю такие строки: «неизбежно убыстрение речи» и «нет никакого сомнения в том, что скоро в литературе проявится бурное адептное движение для защиты языка от вредоносных воздействий современной

эпохи: вскоре мы услышим напуганные плачи о том, что наш правдивый, могучий и еще какой-то язык не сегодня — завтра погибнет и что будто бы его надо спасать»¹⁶.

Этому идейному движению критики предсказывается провал, ибо жизнь сделает свое: убыстрение должно совершиться. А если это так, то позволительно спросить, поспеем ли мы с своим переводом за этим «убыстрением»?

IV

Проблема обновления богослужебного языка, слава Богу, возбуждает теперь всеобщий интерес, причем для одних она не представляется сопряженной с какими-либо трудностями: перевести церковные песнопения на русский язык — это, говорят, дело доступное всякому, владеющему пером. Для других, напротив, в этой проблеме, как в былинной сумочке переметной, незримо завернута неподъемная тяга исторического предания, восстать на которое посильно лишь гениальному духу.

Сторонники быстрой русификации церковного языка упускают из виду то весьма важное обстоятельство, что язык церковных служб есть лишь один из элементов того синтетического целого, которое называется богослужением. Язык нельзя выделять из общей гармонии богослужения, рассматривать и применять его независимо от других элементов. Во внешних формах богослужения царит некий общий стиль. А стиль есть подчинение внешнего содержания внутренней идее, выраженной этим внешним.

Церковная архитектура необычайна. Церковь не человеческий, а Божий дом; все здесь подчинено идее *Богочитания*. Оценивая здание церкви вне этой идеи, мы найдем в нем много и непонятно, и лишнего, и даже, быть может, странного. Церковная иконопись необычайна: здесь много условного, символического и для иных непонятного. Необычайна и церковная утварь: здесь не *столы*, а *престолы*, не *стулья* или *кресла*, а *седалища*, не *одежды*, а *ризы* и *облачения*; не *посуда*, а *сосуды* — все не то и не так как дома в жилищах людей. А церковное пение? Разве не отличается церковная песнь резкими чертами от мирской людской песни? Разве не сказалось это отличие в самом языке, создавшем два слова: иное пение и иное песня. Не следует ли из всего этого, что и язык богослужения не может быть обыденным, заурядным, житейским языком, который звучит и в домах, и на торжищах, и на улицах? Не должен ли и он быть так

¹⁶ Отождествить цитату нам не удалось.

же необычаен, как церковная архитектура и живопись, и утварь, и пение.

Теория литературного языка учит нас различать *язык* и *стиль*. Под стилем разумеется язык мобилизованный, приведенный в действие для выражения всех элементов сознания, работающего над созданием художественного словесного творения. Это язык изысканный, избранный, гармонически сочетанный и с выражаемой им идеею, и с личностью автора, и с особенностями данного времени и народа. Различным родам словесного творчества соответствуют разные стили: стиль былинный не тот, что стиль сказки, стиль притчи отличается от стиля басни и т. д. Если стиль народного духовного стиха резко отличается от стиля народной песни и в напеве, и в слове, то тем более гимнам, предназначенным для Церкви, должен быть усвоен и особый возвышенный церковный стиль. Для создания этого стиля наш церковнославянский язык является поистине неисчерпаемым источником. Недаром наши литераторы, художники всякий раз, когда брались за творчество на церковные сюжеты, неизбежно прибегали к церковнославянскому языку. Гениальный Пушкин, обладавший необычайно мощною интуицией в области языка, дал нам удивительные примеры в этом отношении. Можно было бы думать, что, вдохновившись великопостною молитвою св. Ефрема Сирина, он переведет ее на русский язык. Но чувство стиля побудило его, напротив, к тому, чтобы в переложении оставить как можно более славянских слов подлинника. Его «Пророк» написан почти сплошь церковнославянскими словами.

«Речь церковнославянская, говорит проф. Буслаев, возбуждая в русских некоторое благоговение уже самыми звуками, хотя понятными, но отличными от ежедневного говора, составляет приличное дополнение торжественности нашей церковной службы»¹⁷

Перевести богослужение на русский язык — дело не такое уж трудное, и кто только не берется за это: сколько у нас учебников богослужения, сборников богослужбных песнопений с переводами, книжек, изданных разными братствами и обществами! Но все эти переводы имеют значение или комментариев, толкований славянского текста, или ненужных перифраз, и никакого намека на художественный стиль не обнаруживают.

Я беру наиболее одобренную духовной печатью книгу этого рода и приведу из нее для примера перевод не совсем ясного ирмоса «Крест начертал Моисей».

¹⁷ Отождествить цитату нам не удалось.

«Моисей, начертав жезлом продольную *линию* креста, разделил Чермное море, так что Израиль прошел *по нем* пешком, ударив же по морю поперек, против фараоновых колесниц, он изобразил непобедимое оружие [*то есть крест*] и вновь соединил море. Поэтому запоем Христу Богу нашему, ибо Он прославился»¹⁸.

Быть может, человек, только что гневавшийся на непонятность ирмоса, прочтя приведенный мною перевод скажет: «Теперь мне все понятно! вот что значит по-русски!» Но согласится ли кто-нибудь из православных запеть текст этого перевода по-церковному или прочесть его нараспев? И возьмется ли какой-нибудь духовный композитор положить его на ноты? Конечно, нет! ибо «крест начертав» поэзия, а это сухая протокольная проза. Там стиль, а здесь сложное распространенное предложение.

Художнику слова, поэту, если бы он заново захотел создать стильное русское изложение богослужебной словесности, нельзя уйти от славянского языка. Это не такое простое дело, как человеку сбросить старое платье или змее выползти из обветшавшей кожи.

Стало быть, проблема обновления нашего богослужебного языка сводится к тому, чтобы дать волю давно начавшемуся историческому процессу, который сочетал славянский язык с русским в одно органическое и *живое* целое. Надо содействовать всякой попытке к созданию истинно церковного, художественного, выразительного и богатого словесного *стиля*. Вот наша задача в ближайшем будущем. Нам надо перестать думать, что она определяется словами: «перевести на русский язык»! Нет, стиль богослужебного языка должен быть сочетанием всех красок и всех красот языка, и то старое и священное в языке, что дано русскому народу христианством, что отражалось на мыслях и чувстве многих поколений, что легло краеугольным камнем христианского русского мирозерцания, не может быть

¹⁸ Нахимов 1912: 129. П. П. Мироносицкий не упоминает имени переводчика. Между тем, это Н. Ч. Зайончковский, выпускавший свои литургические труды под псевдонимом Николай Нахимов. В свое время между П. Мироносицким и Н. Зайончковским развернулась полемика о принципах перевода церковнославянского текста на русский язык и составления комментированных изданий. В одной из работ этого цикла П. Мироносицкий подробно разбирает этот перевод [Мироносицкий 1913: 34-39] и предлагает собственный вариант перевода: «Моисей, начертав крест вдоль, жезлом рассек Чермное море для Израиля, пешехода; то же море, наоборот для колесниц фараона он, плеснув руками, соединил, написав непобедимое оружие и поперек. Поэтому, мы *Христу* будем петь, Богу нашему: яко прославися» [Мироносицкий 1913: 38-39].

выброшено за борт как чужое. Здесь в особенности мы должны подумать о том, чтобы воздать Божие — Богови.

Смысл характеристических особенностей церковного искусства, называется ли оно в живописи, в архитектуре, в музыке, заключался в том, чтобы отрешать душу молящегося в церкви от всего мирского и суетного, возводить его горе. Язык богослужения не должен быть здесь исключением. И он должен быть возвышающим души и возвышенным.

Великий Ломоносов, давший в свое время авторитетную, не потерявшую и теперь силы оценку значения церковного языка, относил этот язык к высокому стилю.

Ныне теория трех стилей считается устарелой. Но устарела не психологическая сущность теории, а лишь ее формула. Разнообразие стилей отнюдь не отменно и ныне. Это разнообразие, в силу психологической связи между мыслью и ее выражением, зависит от разнообразия идейного содержания литературных творений. Не риторическая теория, а чувство, чутье языка заставляет нас выражать идеи горного порядка и языком горным или возвышенным, а о вещах и предметах житейской, базарной суеты — говорить и языком дольним или подлым, как выражались во времена Ломоносова.

V

До сих пор мы разбирали наш вопрос с общей и, так сказать, идеальной точки зрения. Посмотрим теперь на ту церковнославянскую наличность, которую мы имеем в наших богослужебных книгах, и оценим ее с точки зрения требований литературного стиля.

Литературный стиль тем и отличается от непосредственного или примитивного употребления языка, что в нем использованы все словесные средства для выявления мыслей и чувств с полной ясностью (то есть удобопонятностью), выразительностью и эмоциональной силой. Спрашивается, удовлетворяет ли этим требованиям стиля наличный язык наших богослужебных книг?

Сетования на то, что богослужебные песнопения непонятны, нельзя не признать основательными за исключением той огульности, с какою они подчас высказываются. Но непонятны иные церковные песнопения и отдельные места не потому, что они изложены по-церковнославянски, а потому, что излагатели не руководились требованиями художественного стиля, а пользовались языком примитивно.

Рассмотрим некоторые из явных причин этой непонятности.

1) Прежде всего она зависит от употребления слов устарелых, или, по выражению Ломоносова, весьма обветшалых и действительно звучащих для нас как иностранные.

Таковы, например, **ѡбѣ**, **врѣснотѣ**, **врѣска** (морщина), **говзованіе**, **драхлѣю**, **кѡнобѣ**, **кѡтвѣ**.

Эти и подобные им слова с добавлением явно иностранных слов вроде: **ѡнагрѣ**, **скѣменѣ**, **рѣмнѣ**, **ѣрѣдѣи**, **стактѣи**, **кѣстѣдѣи** и др., могут составить довольно значительный лексикон *варваризмов*, мешающих ясности церковнославянского языка. С ними необходимо бороться, как мы боремся с ненужными иностранными словами в светском литературном языке. Средством борьбы является в этом случае перевод их на более ясную речь, замена понятными словами. Зачем, например, употреблять обветшавшее, хотя и русское слово **брѣшно**, когда есть **пѣцца**, зачем **говзованіе**, когда можно сказать **ѣзобѣліе** или **оѣрожаѣи**, зачем **тимѣнѣи**, когда употребительно **тѣна**, зачем **кѡтвѣ**, когда есть **ѣкорѣ**, слово, очень близкое к греческому

2) Едва ли еще не более ясность церковного языка зависит от таких слов, которые совершенно понятны русскому слуху, но обманчивы, ибо по-славянски знаменуют не то, что по-русски. Читатель и особенно слушатель обречен бывает при этом на преодоление двусмысленностей и *омонимов* и зачастую не выходит из борьбы победителем.

Например:

Церковнославянский язык

сѣдѣ
лѣстѣ
рабѣта
трѣбѣю
ѣзвѣстѣно
текѣ
позѣр

Русский язык

растение
обман
рабство
нуждаюсь
наверно, твердо
бегу
зрелище (театральное)

Как на типичный пример путаницы понятий, происходящей от подобных обманчивых слов, укажу на употребление слова **ѡкормлѣти**. В церковном языке (и в древнерусском) оно одного корня со словом **кормѣ** и обозначает управлять, русское же ухо сопоставляет его с корнем *корм* и связывает с идеей питания.

Как же бороться с омонимами и обманчивыми словами? Очевидно, при помощи синонимов, то есть изыскания таких слов, которые могут полностью покрывать значение слов, обманывающих слух и мысль. Вместо, например, фразы **ѡкормѣи живѣтѣ мой ко спѣнію** поставить: **напрѣви жизнь мою ко спѣнію** и двусмысленность исчезнет.

Здесь обновители церковного языка должны вступить на путь расширения лексикона введением в него слов, которые имеют на то все права, но не вошли в него или вследствие непонятного консерватизма справщиков и переводчиков, или вследствие скудного зна-

комства с лексикологией русского языка и отсутствия вкуса в выборе слов. Так, например, необходимо ввести в церковнославянский язык вполне уместное в нем слово *опасность*, вместо которого всюду употребляется слово **бѣда**, имеющее широкое применение в русском языке в другом значении. Необходимо также ввести слова: *рабство* вместо **рабѣта**, *страдание* вместо **страсть**, оставив, конечно, и **страсть** со свойственным ему значением; *вещество* вместо **вѣщь**, а иногда *существо*, *сущность* вместо этого же слова **вѣщь**.

3) В подавляющем, однако, большинстве случаев неясности текста наших богослужебных книг зависят от того, что текст этот является переводным, а не оригинальным, причем благоговение переводчиков перед греческим оригиналом доходило до таких крайних пределов, что перевод их является беспримерным в истории мировой литературы образцом рабского следования за оригиналом.

На эту черту обратил внимание еще Юрий Крижанич. Считая *греков* уставщиками и законодателями славянского перевода, он выразительно говорит: «Грѣки нашѣ беснѣдѣ на своѣ копѣто навѣли: се јѣст, вѣс состав и обличје нашего језика (. по обзорѣ на свѣѣ језик:) изо дна извратили и претворили: тако да ни он јест Грѣчскнѣ, ни он Рѣскнѣ језик»¹⁹

Кратко отмечу некоторые особенности славянского перевода, печальным образом отразившиеся на ясности богослужебного текста.

а)

Весьма нередко при переводе греческого слова переводчики делали неудобный выбор переводимого слова: первичное значение переводили вторичным и наоборот. Например, греческое слово <σκευος> имеет несколько значений: *сосуд*, *орудие*, *вещь (домашнего обихода)*, *вооружение или снаряжение*, *снаряд*, *наряд*, в славянском переводчики усвоили только одно из этих значений, а именно *сосуд* для всех случаев, где это слово встречается, вследствие чего мы встречаем и **ѣлей въ сосѣде**, и **сосѣды бранные** (то есть воинское снаряжение), и **сосѣдъ грѣха** (змий), то есть орудие грехопадения. Греческое слово, <γυνῶσις> значит *познание*, *разумение* и самый *разум*, как орудие познания. Переводчики большею частью предпочитали второе значение, следствие чего получали такие выражения: **дрѣво разумное** вместо *древу познания*, **разумъ гда** (вместо *познания Господа*); **плѣдъ разума** (вместо *плод познания*, то есть древо познания).

¹⁹ Крижанич 1859: IV

б)

Иногда переводчики действительно набивали русскую беседу на греческое копыто, то есть составляли славянское слово по составу греческого слова или речения.

Типичным в этом отношении примером является перевод греческого члена местоимением **ѣже**, **ѣже**, **ѣже**, отсюда смущающая слух ненужность этих местоимений в таких, например, выражениях, как **ѣже херувѣмы тѣиннѣ ѡбразѹюще ... ѣже вездѣ сѣи... ѣже ѡ ѡца ѡсходѣщаго...** и т. д.

Греческое слово <ὀποδέχομαι> значит *принимаю, встречаю* (например, гостя, друга, царя). Переводчики, рабски покорившись приставке-предлогу, всюду переводят это слово словом *подымаю*, вследствие чего даже и до дне сего в Херувимской песни мы имеем явную ошибку **поды́мемъ** вместо **прѣ́имемъ**, подавшую повод к весьма произвольным и вычурным толкованиям этого места авторами учебников литургии и отчасти духовными композиторами.

Греческое слово <παράδοξος> значит *необычайный, идущий вопреки принятым мнениям* и может быть переведено словами: **прѣдѣвнѣи**, **чѹдѣснѣи**. В наших книгах церковных это слово всюду переводится прилагательным **прѣславнѣи**, вследствие того, что <δόξα> переводится словом *слава*, отсюда происходит неполная ясность многих песнопений. Например, **всѣмъ пѣче смѣсла, всѣмъ прѣславна твоѣ, вѣче, тѣинства** (*Параллелизм*).

Греческое слово <ξένος> значит *чужой, иностранный гость* <...>²⁰ По-славянски оно всегда передается словом *странность*, отсюда и существительное <ξενία> в задостойнике великого четверга передано словом **странствѣи**, тогда как оно обозначает угощение, прием гостя. (В новом переводе²¹ удачно: **Вечери владычнии**).

в)

Если даже в составе отдельных слов переводчики стремились следовать греческому типу слова, то тем более были они ревностны в соблюдении греческой конструкции фразы. Чтобы во всей силе оценить значение этой особенности перевода, необходимо помнить, что весьма многие церковные гимны по-гречески писаны стихами, то есть или в известном избранном размере (стопами) или на подобен. Техника метрического стихосложения и составления тропарей

²⁰ Слово восстановить не удалось.

²¹ Имеется в виду Цветная триодь, исправленная Комиссией по исправлению богослужебных книг [см.. Плетнева 1994].

на подобен побуждала греков-песнотворцев прибегать иногда к довольно причудливой и искусственной расстановке слов, а это, как известно, всегда идет в ущерб ясности речи.

Мы и свою русскую стихотворную речь с трудом понимаем, если в ней из-за размера допущена искусственная расстановка слов. Например:

*В свирепом как перо огне
Корабль как ярых вод среди
(Лермонтов).*

Насколько же труднее понять перевод подобных стихов на иной язык с соблюдением той же последовательности слов!

Знаменитый ирмос 9-ой песни стихотворного (ямбического) Рождественского канона: **Любѣти оубо намъ** полностью утратил свой ясный смысл именно вследствие причудливого смещения слов, зависимость между которыми трудно установить и после тщательного анализа текста, а между тем слова, вошедшие в состав ирмоса, почти все просты и понятны.

г)

Необходимо, наконец, упомянуть и о тех немалочисленных случаях, когда переводчики допускали явные ошибки или вследствие недостаточного знания греческого языка, или вследствие ошибки зрения. Так, например, греческое <ή τροφή> (*сладость*) весьма часто принимается за <ή τροφή> и переводится словом **пѣцца**. Отсюда в акафисте имеем *рай пицный* вместо *рая сладости*. Слово <δύβρος> почти всегда переводится словом **тѣча**, тогда как оно значит *дождь* и т. д. и т. п. Греческое <νομή> всюду переводится словом **пáжить**, то есть *пастбище* (например **пáжить грѣха**), тогда как оно значит и самый акт *потравы, пожирания, распространение, засилье, зараза*.

Вот главнейшие язвы нашего богослужебного языка. Из предложенного краткого их обзора можно видеть, что все они исцелимы и исправимы и что уже одно редакционное их устранение внесет много ясности и света в наши богослужебные тексты, сделает их разумительными для усердных любителей богослужения. С этой точки зрения надо пожелать, чтобы благополучно продолжалась работа уже Св. Синодом работа по исправлению богослужебных книг.

Но предыдущее изложение дает нам право желать большего. Нам надо переменить взгляд на славянский язык богослужения, как на язык чужой и мертвый. Жизненный процесс, благодаря которому современный церковный язык так далеко ушел от древнеславянского и так любезно вступил в союз или ассимиляцию с языком живой

русской беседы, не закончен и не должен быть закончен. Надо дать ему свободу развития, следствием чего должен явиться воистину русский возвышенный стиль церковных гимнов. Нам не следует охранять мертвость церковнославянского языка, как что-то ценное, и его отграниченность от русского языка, как от иного — они едино. Нам надо считать недоразумением или нелепостью мысль о переводе с церковного языка на русский. Это единый язык, богатый и гибкий и разнообразный, как сама мысль. Если, устремляясь к выражению философских истин и понятий, этот язык не может еще обойтись без обильных заимствований из языков чуждых, то лишить его права пользоваться кладезем старославянской старины в области религиозной было и несправедливо и невыгодно. Надо дать здесь вспыхнуть огню творчества. А для того все более и более бороться с предубеждением, будто русский и славянский — разные языки и будто славянский язык мертв. Пусть славянский язык становится все живее, благодаря русскому, а русский все богаче, благодаря славянскому — и да будут они едино.

Русский язык велик и могуч, как и народ, создавший его. Размышляя о судьбах того и другого, невольно восходишь памятью к библейскому судии Сампсону «Желѣзо не възыде на главѣ моѣ, — говорил он Далиле, открывая ей сердце свое, — Назврѣи ѣсмь азъ гдѣ ѿ дѣтробы матери моеѣ. аще оубѣв ѡврѣюса, ѡстѣпнтъ ѡ менѣ крѣпость моѣ, <и ѡнземоуѣ> и вѣдѣ ꙗкоже всѣи человекѣцы»²².

И наш язык могуч, как Сампсон. Но у этого Сампсона кудри церковные. Не будем же звать стригача, чтобы стричь кудри Назорея Господеви. Иначе начнет он смиряться и отступит от него крепость его.

Список источников и литературы

- Балашов 1998 — Балашов Н., *свящ.* Язык богослужения. Из истории церковной дискуссии в России // *Континент*. Париж; Москва, 1998. № 98.
- Балашов, в печати Балашов Н., *свящ.* Комиссия по исправлению богослужебных книг (1907–1917): архивные документы и материалы церковной дискуссии. Машинопись.
- Буслаев 1959 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Гильтебрант 1898 — Справочный и объяснительный словарь к Псалтири, составленный Петром Гильтебрантом (Рязанским). СПб., 1898. (Репринт: Sagners Slavistische Sammlung. München, 1993. Bd. 20).

²² Суд. 16. 17

- Кравецкий 1998 *Кравецкий А. Г.* Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. М., 1998. № 34.
- Крижанич 1859 — ГРАМАТИЧНО ИЗКАЗАНЈЕ об руском језику попа Јурка Крижанища. М., 1859.
- Логачев 1990 *Л<огачев> К.* Предисловие // Комиссия по научному изданию Славянской Библии (Русская библейская комиссия). Сборник архивных материалов / Отв. ред. К. И. Логачев, Г. И. Смирнов, В. С. Соболев. Л., 1990.
- Ломоносов VII — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739—1758 гг. М., Л. 1952. Т. 7
- Мироносицкий 1912-1913 — *Мироносицкий П. П.* Кондак или песнь (КОНТАКІОН) на Рождество Христово. Творение святого Романа Сладкопевца. Пер. с греч. П. Мироносицкого // Приходское чтение. 1912. № 33; 1913 № 38.
- Мироносицкий 1913 *Мироносицкий П. П.* Явное и сокровенное в богослужебных песнопениях. СПб., 1913.
- Мироносицкий 1914 *Преподобнаго Романа Сладкопѣвца Кондакъ на недѣлю ваѣй. гл. ѿ, ѿгѣже краестрѣчїе: наваѣа романа.* / Пер. с греч. П. Мироносицкого // Приходское чтение. 1914. №№ 2, 3, 50.
- Мироносицкий 1990 — *Мироносицкий П. П.* К вопросу о языке православного русского богослужения // Комиссия по научному изданию Славянской Библии (Русская библейская комиссия). Сборник архивных материалов / Отв. ред. К. И. Логачев, Г. И. Смирнов, В. С. Соболев. Л., 1990.
- Нахимов 1912 — *Нахимов Н.* Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. СПб., 1912. (Репринт: М., 1994).
- Плетнева 1994 — *Плетнева А. А.* Исправление богослужебных книг в начале XX века // Славяноведение. 1994. № 2.
- Плетнева 1998 *Плетнева А. А.* Дискуссии о переводе богослужения на русский язык 1905—1914 гг // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4.
- ПЦР I-VII Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М., Л. 1924—1927 Т I-VII.
- Райнери 1913 *Райнери Дж. А.* Педагогика в пяти книгах. М., 1913. Т. 1.
- Сорокин и др. 1997 — *Сорокин В. (проф., прот.), Бовкало А. А., Галкин А. К.* Открытие Петроградского Богословского института в 1920 г // Юбилейный сборник. 275 лет от основания и 50 лет восстановления Санкт-Петербургских духовных школ. СПб., 1997
- Феофан 1896 Мнение преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужебных книг // Душеполезное чтение. 1896.

*Подготовка текста и публикация
А. Г. Кравецкого*